

К феноменологии жизни (о философии М. Анри и не только)

Наше сегодняшнее отношение к жизни предугадано философией жизни.

Давно ушла со сцены философия жизни, сменился репертуар, в театр пришли другие актеры, изменились и вкусовые пристрастия публики, но впечатление, оставшееся от некогда «отыгранной» пьесы, все еще остается с нами. Мы находимся *в том же отношении* к жизни.

Жизнь, человеческая жизнь, — это стало ясно особенно в последнее время — не самоценна. Она нужна нам не ради нее самой, а для чего-то другого — требуемой отчетности, обеспеченного будущего, ожидаемого успеха в навязанном соревновании и пр. Как будто в самой жизни — в этой, *конкретной* жизни, — нет и не может быть ничего святого.

Собственная жизнь воспринимается как бремя, возложенное на нас природой. В философии А. Шопенгауэра воля — слепая жизненная сила, которой подчиняется все сущее. Жизнь — то, что «хочет», «желает», то есть устремлено к росту и приумножению. Витальность использует человека в своих целях. Жизнь не подчиняется нам, но отдельный человек может отстраниться от нее *в себе*, отдавшись эстетическому созерцанию. Эстетическое одолевает витальное. Философ становится художником и достигает «освобождения». Желательно «обмануть» витальность, трансформировать ее энергию в импульс к художественному созерцанию, в котором та ослабевает и «успокаивается». Жизнь — то, что необходимо превзойти, поднявшись над ней, преодолеть ради чего-то иного — эстетического созерцания.

Жизнь властвует, соблазняя «волей к господству». Всякий «жизненный вопрос» касается «средств достижения», а не «целей». Культура, сложные механизмы функционирования общества, отождествляются с набором средств, не укорененных в одном смысловом центре. Ф. Ницше, как и А. Шопенгауэр, отождествляет жизнь со слепой волей (не осознающим себя желанием, устремлением), но уточняет: жизнь

стремится не только к приумножению, но и к господству. Жизнь направляется аффективной волей к власти. Жизнь — игра имманентных, разнонаправленных сил, не подчиняющихся одному внешнему принципу — разуму, тот сам имеет витальные истоки. Жизнь открывает себя философу через *политическое*. Последующим мыслителям оставалось пожинать плоды с этой идеи (наиболее расторопные из них вводили новые термины и подводили под ницшеанскую идею эмпирическую базу). Философия — теория политик, вскрывающая игру («жизнь») разнообразных аффектов и сил, стоящих за любыми проявлениями человеческой активности. Теперь перед нами стоит иная задача: не освобождение себя от жизни, но высвобождение самой жизни — тех сил, которые руководят нами без нашего ведома (приходится признаваться себе и в этом). Философ опускается с «небес» на «землю», отныне его волнует имманентное и «фактическое». Философ, даже если он художник, не может полагаться на эстетическое созерцание. Именно потому, что он художник, всего лишь художник, ему дано прозревать в те силы, которые, наделяя нас способностью действовать (властвовать), сами же нас и ограничивают.

Жизнь властвует и «силой исторических обстоятельств» — от них не уклониться как от закона гравитации. В. Дильтей освобождает понятие жизни от виталистских коннотаций, свойственных философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, но от этого нам не становится легче. Жизнь — непостижима, мы не знаем, чего она хочет и куда устремлена. Но ее можно изучать по ее *проявлениям* в истории. Человеческая жизнь «исторична», она подчиняется законам созданной человеком же культуры, ее развития. Жизнь как объект философского анализа требует к себе особого отношения — поиска адекватных средств осмысления, чем и должна заниматься философия, принимающая форму методологии наук о духе. Философ не может знать конечные причины и цели истории, но, сообразуясь с представлениями об истинной учености, он кропотливо собирает факты в надежде, что и ему откроется целое — дух его времени. Философу не избежать соответствия духу времени. Философия, стоящая на страже наук о духе, принимает бремя истории — исконную имманентность человека ей.

А. Бергсон возвращает жизни свойства природного объекта (природа создает и поддерживает жизнь сущего, придавая ему динамику), но также он видит в жизни «замысел», наделяет ее свойствами «духа», открывающего себя в интуиции. Жизнь непостижима, ее цели для человека не ясны, но мы косвенно знаем о ней, когда пребываем в *творческом подъеме*. Философия — эстетически фундированная метафизика (метафора заняла в ней равное с понятием место), стремящаяся найти адекватный язык для выражения созидательной активности духа. Жизнь в бергсоновском понимании имеет позитивные коннотации: рост, движение вперед, развитие. Переживаемое состояние подъема ассоциируется с успешным выполнением работы, творчеством, приносящим удовлетворение, чувством радости от совершаемого действия или участия в чем-либо и т. д. А. Бергсон стоит особняком среди прочих философов жизни. В его философии есть место «слепой витальности», но в ней же есть место индивиду, который интересует А. Бергсона в момент реализуемого им творческого подъема.

Понятие *жизнь* наделяется в философии следующими свойствами:

1. Выступает в качестве *начала*, то есть того, что определяет все (любой вид сущего, его восприятие и познание), но само начало не определяется ничем (и потому выступает как «основание»).

2. Важнейшая особенность жизни — ее имманентность (даже если она наделяется «духом», как у Бергсона); жизнь всегда *здесь*, имеет отношение и к нам, жизнь — это *свое*, то, что наличествует неотменимо, вместе со мной и в то же время никогда не будет только моим.

3. С имманентностью жизни связано другое ее свойство: она *проявляет*, открывает себя нам в формах воздействия и сопротивления. Жизнь оказывает воздействие, заставляя страдать, ограничивая силой аффектов или исторических обстоятельств. Жизнь побуждает человека сопротивляться, потому воспринимается она *нами* динамично, в бесконечных изменениях, соответствующих разным ситуациям. Однако жизнь, несмотря на разные свои формы проявления, одна. Жизнь — характеристика состояния сущего как состояния человека, и

характеристика состояния человека как состояния сущего (вне субъект-объектного различия). Человек сопротивляется не потому, что он «так хочет», а потому, что это свойство его жизни, так устроена «природа» или так устроена «история», которым принадлежит человек.

4. Проявляющаяся динамика жизни иррациональна, она в принципе доступна выражению, но не всегда осознается: эстетический опыт, техники косвенного анализа разнообразных политик и практик и пр. — подобающий инструментарий для осмысления жизни.

Итак, в философии жизни *жизнь* полагается как нечто несамодостаточное и обременительное, она нас ограничивает, ей мы сопротивляемся — это то, что необходимо преодолеть в эстетическом созерцании (А. Шопенгауэр), то, что властвует над человеком (Ф. Ницше), то, что обволакивает «силой исторических обстоятельств» (В. Дильтей). Мы хотим сбросить ее с себя как непомерной тяжести груз. Жизнь вторгается силой, привнося хаос, разрушая все теоретические построения и самые радужные планы. Чужая жизнь не имеет цены, ведь и она, как наша собственная, всего лишь *средство* для достижения чего-то иного. Быстрая и легкая замена одного другим всегда возможна.

Однако уже у В. Дильтея и А. Бергсона в понимание жизни привносится иное — уникальность (биография) и благой, хотя и непостижимый, замысел — творческое созидание. Жизнь тяжела, верх наивности отрицать это. Вместе с тем верно и другое положение: жизнь не всегда есть то, что следует преодолеть, она не только приносит с собой страдания, напротив, жизнь открывает нас для самих себя, мы начинаем жить *своей жизнью*, находя в ней созидание, довольство и радость.

В этом случае жизнь проявляется как нечто самоценное. Жизнь не определяется ничем, кроме нее самой (вспомним состояние «довольства жизнью», когда нам уже ничего не надо, все и так есть).

Жизнь (моя или чья-то) зависит от самой жизни, открывающей для нас ценность существования (и не только нашего собственного).

В этой жизни, знакомой каждому, есть то, что оказалось незамеченным в философии жизни, — ее самодостаточность, несводимость ни к чему внешнему, ни к одному объекту. Прорываясь иногда к нам, эта жизнь делает наше существование легким и непринужденным (свободным), способным к созиданию.

В философии жизни жизнь опредмечивается, отождествляется с ее проявлением, с конкретным сущим. Жизнь нуждается в форме для своей реализации, но, возможно, она не совпадает ни с одной из своих форм. Жизнь, которая ценна сама по себе, необъективируема, хотя мы все знаем о ней, когда, например, выражаем искренний интерес к совершаемому в настоящий момент («творческое созидание»). Мы узнаем о жизни, предоставляя слово самой жизни — делу, которое мы любим. Жизнь непредставима, она не способна выставить себя перед нами, но она захватывает и удерживает нас в себе. Мы предоставляем слово жизни, когда оказываемся свободны — в состоянии легкости совершаемых действий.

Именно о такого рода необъективируемой и в то же время радикально имманентной жизни, не сводимой ни к чему внешнему (исключительно о *своем*) и пытался рассуждать французский философ-феноменолог и писатель Мишель Анри (1922-2002).

М. Анри вознамерился преобразовать феноменологию, что, по его мнению, можно сделать, тематизируя проблематику имманентной жизни и противопоставляя ее концепциям интенциональности Э. Гуссерля и бытия-в-мире М. Хайдеггера. Эту тематизацию жизни М. Анри осуществлял, ориентируясь на христианскую традицию и радикализируя философию субъекта Р. Декарта.

Феноменология — трансцендентальный проект¹, она обсуждает условия явленности, манифестации. Этим феноменология отличается от любых наук — физики или филологии, имеющих дело с тем или иным конкретным явлением. Феноменологию интересует *природа явления как такового*.

М. Анри предлагает рассматривать природу явленности со стороны субъекта. Он убежден: только потому, что мы

¹ *Анри М.* Феноменология жизни // Логос. — 2011. — № 3 (82). — С. 172.

уже даны самим себе, мы можем аффицироваться миром (испытывать воздействие окружения на нас). Оставаясь верным философии субъекта — надо же, какой анахронизм! — М. Анри переворачивает известную марксистскую формулу: не мы заданы своим окружением, но мир, то, как он нам является, определяется нашей данностью самим себе. Всякая манифестация обусловлена автоманифестацией — что бы ни говорили на сей счет спекулятивные реалисты, нам нужно много чего сделать с нашей обусловленностью *собой*, для того чтобы оказаться «в объекте».

Самое интересное у французского философа — его трактовка субъективности, которую он наделяет свойством абсолютности, и как таковую именует *жизнью*. Выделим несколько характеристик этой трактовки (указанные ниже черты так или иначе обсуждаются в современной литературе, посвященной анализу творчества М. Анри; в этой связи стоит упомянуть работы А. Ямпольской², Д. Захави, Б. Хардинга и др.).

Феноменологическое понимание субъективности отличает онтологический монизм³. Суть этого допущения: полагание субъективности (это критика в первую очередь касалась Э. Гуссерля) как самосознания в терминах рефлексии как объективирующей активности, что предполагает рассмотрение явления, данности в качестве объекта. В этом пункте позиция М. Анри близка точке зрения М. Хайдеггера, который отказывался от рефлексии, поскольку та представляет отношение к сущему (но не бытию). Если М. Хайдеггер, отказываясь от рефлексии и самосознания, стремился выйти за пределы объективирующего мышления, что, в частности, означало для него уход от субъекта, М. Анри намеревался мыслить непредметно именно субъективность.

Субъективность или автоманифестация (мы даны самим себе раньше всего остального, таково исходное допущение) противопоставляется объектной манифестации как *самоаффицирование*. Полагая субъективность как самоаффици-

² См., например: Ямпольская А. Феноменология в Германии и Франции. — М., 2013. — С. 96–124.

³ Захави Д. Мишель Анри: субъективность и имманентность // Материальная феноменология / М. Анри. — М. ; СПб., 2016. — С. 174.

рование, мы вводим в сферу внимания *свое* как радикально имманентное, необъективируемое и пассивное.

Свое (как самоаффицирование) — данность, но это не инициируемое и не контролируемое состояние. Его нельзя отрицать или избежать как свою жизнь, она просто есть. *Свое* воспринимается *пассивно* в смысле тотальной принадлежности ему. Нам трудно представить ситуацию, когда жизнь не поддается контролю, мы привыкли думать, что ее всегда можно изменить, исправить, что, конечно же, возможно, а иногда даже и нужно. Здесь же говорится о том, что жизнь имеет и другой аспект — скорее она воздействует на нас, чем мы на нее. Это не означает, что жизнь не подвергается изменениям, речь идет о таких слоях опыта, в которых открывается исконно *свое*: например, проявляющееся в чувстве «довольства жизнью» ощущение самодостаточности, самоценности существования. Это *свое* аффицирует нас/себя, определяя в *данный момент* все совершаемое человеком. Жизнь *претерпевается* нами. В термине *претерпевание* слышится страдательный оттенок. Только М. Анри предлагает толковать страдательность шире, наделяя ее позитивными коннотациями: наряду с чувством боли (страдание), есть еще и смысл, исходящий из чувства радости. Жизнь в этом случае отождествляется со страстью, аффектом, всякая манифестация определяется «материальностью» чувства.

Абсолютную субъективность (жизнь) в ее радикальной интериорности и имманентности нельзя схватить в категориях, она остается сокрытой для объективирующего типа мышления. Тем не менее говорить об особом типе явленности приходится. Абсолютная субъективность или жизнь являет себя *незримо*. Мы вступаем в сферу парадоксов: откровение, явление, но незримое. Жизнь невидима, она не являет себя в свете того или иного аспекта мира, но вместе с тем не остается она и невыразимой, неоощаемой. Незримость жизни — не отрицание явленности и манифестации, но ее базовое условие, фундаментальная форма манифестации — автоманифестация. За этим стремлением к необъективируемому у М. Анри просматривается стремление придать субъективной жизни человека статус высшей ценности — ее незаместимость, несводимость ни к чему иному.

Философия жизни не говорила о жизни в этом смысле, в ней не нашлось места проблеме субъективности как радикальной интериорности. Философия жизни исключала вопрос о *своем*. Это была философия тотальной воли, тотальной власти или истории, возвещавших о своих правах на человека.

* * *

Далее изложенные выше принципы философии М. Анри будут конкретизированы (в интерпретации) в свете проблематики *своего*.

М. Анри тематизирует *свое*, *собственное* как жизнь. *Собственным* у человека может быть только жизнь. Не вещи, не отношения, не мысли, не слова. Соответственно, могут быть живые вещи, живые отношения, живые мысли, живые слова в той мере, в какой мы находимся в контакте с вещами, отношениями, мыслями, словами, когда все это является для нас *своим*, касается лично нас.

Касающееся нас, *свое* неинтенционально⁴. Интенция говорит о внеположенном предмете, *свое* — не находится вне нас (как «вещь»), но оно и необъективируемо (как переживания). *Свое* незримо, потому не являет себя через различные аспекты окружающего мира, хотя благодаря ему (*своему*) мир дан. Мир — это свет. Все в мире выводится на свет. Внутри мира любая вещь становится зримой, а видение основано на различении видимого и видящего, объекта и субъекта. М. Анри упрекает Э. Гуссерля и М. Хайдеггера за непреодоленный в их философии дуализм субъекта и объекта. Явление мира и явление *в* мире необходимо отличать от проявления *своего*. Жизнь незрима, *свое* не показывает себя через что-то иное. *Свое* радикально имманентно. Его проявление — это автопроявление, то есть важнейшая характеристика *своего* — изначальная данность себе самого себя, но, что важно, не как интенционального объекта, особой предметности, а как неотделимо *своего*, как жизни, того, что претерпевается.

Незримость *своего* не означает его непостижимости или нереальности. Жизнь постигается как откровение.

⁴ См.: Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами. — М., 2014. — С. 41–57.

нии нет дуализма субъекта и объекта, «вне себя» и «внутри себя». *Свое* не знает раздвоения, ему незнакома двойственность, поэтому если жизнь и открывает себя, то только себе самой. Жизнь — самооткровение жизни. *Свое* — самооткровение *своего*. В этой тавтологии мы встречаемся с полаганием жизни как самоценности, ничем извне не определимой.

Все жизненное откровенно, его незримость не спрячешь. Тем оно и ценно. Ценность откровенного в том, что в нем (как откровении), помимо предметности, проявлена еще и *жизнь* предметности. Не сводимая к предметности жизнь заявляет о себе через аффекты — человеческие страдания и радости, исконно *свое*. Жизнь есть страстность. В этой древней мудрости для М. Анри больше позитивных, чем негативных коннотаций. Пытаясь уйти от объективирующего типа мышления (страдания и радость можно полагать как особые объекты), французский философ предлагает различать боль и радость, имеющие источник в теле или во внешнем мире, и болезненность, радостность как «чистые переживания». О страдании или радости можно узнать, только страдая или радуясь, нет никакого *внешнего* для этих переживаний. Жизнь-в-страдании, жизнь-в-радости незрима в том смысле, что, пребывая в страдании/радости, мы ощущаем себя, свое существование как *неотменимую* реальность. Можно сомневаться в мыслях — причинах страданий, у нас могут быть те или другие мотивы, сомнения могут касаться и чувств — мы не всегда точно знаем то, что переживаем, но, страдая или радуясь, мы столь же явственно (как мыслящий сам себя Декарт) *ощущаем* себя как *свое* (существование). Жизнь есть страсть, то есть Я претерпеваю (страдаю или радуюсь) — значит, существую. Нетрудно создать образ страдания или радости, но часто лишь ценой утраты ощущения *собственной* жизни. Образ может быть «живым», тогда он не создан нами. Живым его делает откровение жизни нам.

Философия связана абсолютным. *Свое, собственное* трансцендентально, оно не только и не столько *мое*. Абсолютность *своего* (жизни) указывает на Самость. Жизнь не пребывает, не стоит на месте, она приходит непрестанно (как откровение нам и как самооткровение себе самой). Именно потому, что жизнь — откровение себя себе самой (реализа-

ция принципа самоаффективности), имеет смысл говорить о Самости. Невозможно переживание жизни без того, *кто* переживает.

Жизнь незрима, но выразительна, жизнь являет себя себе, потому она — Слово жизни, преисполненного неутаиваемого смысла (Логос). И возможность слова о ней. Предоставляя жизни слово, мы ищем встречи с Логосом — возможности оставаться живыми, выразить исконно *свое*. Нет жизни без живого, без того Я, которое несет в себе жизнь. Истина (слово), путь (метод) и жизнь здесь совпадают. Сначала мы обретаем жизнь и только потом, будучи живыми, находим себя в мире. В том числе и как путь (в жизнь) и подобающее ей (жизни) слово.

М. Анри предлагает несубстанциальную трактовку субъективности, выделяя в ней аффективные пласты опыта, о которых приходится говорить, прибегая к языку тавтологий и метафор, что значительно усложняет ее восприятие. Феноменология жизни М. Анри, как и философия М. Хайдеггера, в значительной мере экспериментальна. Это попытка что-то *сделать с собой* для того, чтобы выйти к исходному, о котором часто приходится говорить умолчаниями (тавтология в этом смысле одна из форм «умолчания», косвенного указания на то, о чем сам читатель/слушатель должен догадаться). Эксперимент в философии уязвим для критики, и для этого есть основания. Такого рода философии акцентированы на сдвигах или действиях мысли. Все в этих философиях (в полном соответствии с тем, что обсуждается в ней) пребывает в движении. Феноменология жизни М. Анри — разновидность философии жизни. Жизнь толкуется в ней как исходное, имманентное, динамичное, но также еще и как радикально интериорное и несубстанциональное, как *свое*. Жизнь в философии М. Анри открывает себя как самоценность. Кажется, именно этого отношения к жизни нам не хватает сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анри М.* Феноменология жизни // Логос. — 2011. — № 3 (82). — С. 172.
2. *Анри М.* Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост)феноменология. Новая феноменоло-

гия во Франции и за ее пределами. — Москва : Академический проект, 2014. — С. 41–57.

3. *Захави Д.* Мишель Анри: субъективность и имманентность // Материальная феноменология / М. Анри. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — С. 174.

4. *Ямпольская А.* Феноменология в Германии и Франции. — Москва : Российский гуманитарный университет, 2013. — С. 96–124.